

ЛОРД ХОРРОР

Редактор и соавтор Майкл Баттеруорт

Den Maschinenmenschen wird die Erde gehören.

Все остроумие на свете — впустую для того, у кого его нет. — *Ла-Брюер*

Человек есть воплощенный половой инстинкт, ибо своим происхождением обязан совокуплению, и желание его желает совокупляться... Половой акт — не престанное помышление о нечестивом и невольном, неотступная греза о непорочном, ключ ко всем намекам, всегда готовый повод к развлеченьям, неистощимый источник шуток. — *Шопенхауэр*

Сдается мне, жизнь есть весьма прискорбное шутство. — *Пиранделло*

НА ОСТРОВЕ ДОКТОРА ХОРРОРА

Если б не война, у Хитлера все бы получилось. Равносильно тому, что если б не евреи, Хитлер был бы не нужен. Почти без всяких оговорок лорд Хоррор одобрял этого человека.

Полностью достижения Хитлера осознавали только тепер; в мифическом отождествлении, что ему сообщали вожди Запада; и в примере для подражания, который Франция, Англия и Америка нашли в его, по их мнению, новом консерватизме. Самого его едва ль можно было упрекнуть в том, что державы эти совершенно не поняли ни его позиции, ни его железной непримиримости перед лицом бедствий. История сама себя переписывает — с главными героями или без них.

Не мигая, лорд Хоррор, английский диктор радио, смотрел на яростное бирманское солнце. Времени было половина восьмого *ante meridian*, однако уже — хотя месяц стоял лишь апрель — воздух наполнился густою духотой. В обычной лакуне жары перед ним еще лежали долгие удушливые дополуденные часы. Облегчение несло лишь случайное дыханье ветерка, налетавшего с океана, колыша стебли свежеспелых орхидей, свисавших с карнизов станционной веранды.

Хоррор оглядел небо — нет ли где воздушного корабля. Кости его ощущались полыми, он провел когтистой рукой по лбу. Уже закипала новая мигрень. Сам себе замурлыкал он старую сентиментальную мелодийку. Слова всплывали у него в голове, как облачка пчелиной спермы, меж тем как более глубокие мысли пробуждали в нем воспоминанья о давно растроченном времени...

«Мне перепало многое, о чем я не жалею...»

(До чего глубоко и близко странна Смерть; чем больше о ней думаешь, тем скорее случается)

«И вот сижу в уютном кресле я, тихонечко старею...»

(И проваливаюсь в кошмарную грезу...)

«И вспоминаю скромную истсайдскую квартиру без лифта, в третьем этаже, где в детстве жил я мирно...»

(И думаю о том, что все умрут...)

«Совсем не рай, но в той грязи, убожестве и прочем был милый ангел, и его мне не хватает очень...»

(Мы жизнь живем, только чтобы сказать Смерти «Да»!)

На память ему приходило все больше строк, и он превращал слова в песню. Голос его начал подниматься с нижней октавы, глубокий бас стряхивал росу с корзинок цветов.

«Моя идише-мама, прошло так много лет!..»

(Нам удается как-то функционировать. Мысль о смерти парализует слабых, угроза ее глубока и реальна)

«Моя идише-мама, я целовал морщинки на твоём челе...»

(Едем на машине, летим на самолете...)

Голос Хоррора вознесся до сиплой мольбы: «Как я хочу взять ее за руку, пусть больше не грустит!»

(Живем свою жизнь под незримую фугу Смерти. По взаимному согласию люди скрывают сие друг от друга. Не больше, чем в Лагерях Смерти)

«За все, чем огорчал ее, пускай меня простит...»

(Правда, всё правда...)

«Она не знала отдыха, а радость ее зыбка, и все сокровища... в моей младенческой улыбке...»

(Неужто не видно, насколько содеянное огромно?)

«Я всем обязан маме...»

(Против хаоса моей души...)

«Скажу вам это не тая!»

(Чем больше людей убиваешь, тем легче становится боль жизни, так в теории...)

«Моя седая... идиш-мама, чудесная...»

(Убивать, чтобы жить!)

«...моя!» Голос Хоррора воспарил.

(Мы начинаем свою жизнь в пузыре хаоса; очень уместно, что и заканчиваем ее так же...)

Будь он помоложе и по-прежнему на полковой службе, песенка была б посерьезней. Он видел, как Исси Бонн пел ее на пирсе Уигэн. Тот день пах так же сладко и горько, как этот, жаркий и душный. На миг он вернулся на сцену Олдэмского «Ампира», на те же подмости, что некогда носили на себе Лилли Лэнгтри и Весту Тилли. В дневном представлении он спел милый дуэт с Грейси Филдз, девицей из близлежащего Рочдейла, умно рифмуя «лунный» с «июнем». В своем сольном выступлении он исполнил траурную версию «Шилом по башке», которую оценили не только завсегдатаи Бромптон-стрит в партере, но и мелкопоместное дворянство из «Леска» на галерке. Олдэм, Мэнчестер, Лондон, Дублин, Нью-Йорк, Берлин... куда падет его судьба?

Лорд Хоррор раскрыл свои пучеглазы сверканью по-прежнему пустого неба. Он признавал, что сговорился с грезами. Нетерпеливо вздохнул и принялся расхаживать по обширной колониальной гостиной. Лопасты двух черных вентиляторов медленно вращались над ним, едва ли циркулируя воздух.

Одет он был в как можно меньшее количество уставного армейского хаки. Несмотря на это, кожа его, желтая и выдубленная старостью, лоснилась от пота. Тело его было сухопарым, едва ль не истощенным. Отдельные же части, вроде необычайно толстых губ, выглядели до странности округлыми и женственными. Крючковатый нос мог быть и еврейским. На высоких боках черепа волосы у него не росли; скальп, веснушчатый и блестящий, был туго натянут на кость. А на макушке торчал густой пучок жестких рыжих волос.

Он прекратил расхаживать и выхватил несколько листов бетеля из лакированной шкатулки на своем рабочем столе. Поднес ярко-красные листья к губам и раздраженно сунул в рот. Жуя их, он снова вышел на открытую веранду.

Прямо перед ним возносился пыльный кривой ствол пальмы; а за ним — яркое ультрамариновое небо, и ниже — плоское море. Высоко в зените на тепловых волнах, поднимавшихся от пляжа, кружило несколько стервятников, если и дрожь крылом, то неявно.

С этой точки обзора открывался широкий вид на южный кончик острова. Справа из Мандалая вытекала громадная и охристая Иравади, берега ее объаты двумя ярко цветущими руками первобытной зелени. Затем — обширные пустоши рисовых полей, а еще дальше за ними — обряженные в джунгли черноватые на вид холмы.

Правее, на переднем плане, почти прячась от взгляда, стояли рощи зеленых фикусов. Из их крон, подобно копьям с золотыми наконечниками, вздымались элегантные шпильи деревенских пагод.

Прямо под ним на участке крепости раскинулись его сады, а дальше высились громадные каменные стены базы с южным входом. Из широких спаренных ворот прямо к каменистому берегу тянулся проспект, обсаженный пальмами. После развилки проспект уходил влево, к посадочной полосе и другому скалистому участку, о который в отчаянии разбивалось безудержное море.

Угрюмый горячий пар, поднимавшийся от листвы у реки, вскоре станет непереносим. Порывы ветерка с океана уже

пахли очень сладко, и лорд Хоррор ощущал, как наслаждение утраченной любви — леди Лабии Мажор — окатывает его темной дымной волной.

Он быстро отпрянул от неба — так, словно заглянул за его синеву в электронный менюэт Полярного Света. Французом нигде и не пахло, и в попытке чем-то себя занять он перешел в комнату, где размещались мощные компьютеры «Би-би-си», мониторы и передающие устройства. Возможно, он слишком рано встал, и ничего перехватить с приемников не удастся. Накануне вечером «Диапазон Пантера IV», настроенный на мониторинг глубокого космоса, дал сбой и записал Обезьяний голос из Грядущего (или дальнего Прошлого). Он вполне привык уже получать выбросы из пространства — отраженья, биенья пульсаров, пульсации квазаров, фоновую статику, — но ничего подобного раньше не принимал. Обнаружив то, что осталось от трассы прохождения сигналов на пленке, он с любопытством обшарил эфир и снова отыскал голос. Теперь тот возобновился нескончаемым загадочным шепотом:

— Я говорю нациям, о нациях и для наций; я говорю нациям, о нациях и для наций; я говорю нациям, о нациях и для наций...

Лорд Хоррор пришел к заключению, что голос этот ведет некий отсчет и по тону выстроен так, чтобы производить впечатление постепенного затухания. Но он был уверен, что передача ведется не с Земли; казалось, она исходит откуда-то из-за Юпитера.

Удостоверившись, что прием по-прежнему осуществляется, он вдруг решил немного подышать воздухом. Отключил тяжелые головные телефоны танково-зеленого цвета, которые надевал для прослушивания, и, не сняв с головы гарнитуру с болтавшейся на тонкой шее короткой витой парой, вышел из комнаты. Он дождется Фютюра Тама снаружи.

Сделав шаг из своего экваториального орлиного гнезда, он незамедлительно воздвигся на тропе, вившейся по садам. Хоррор сам их распланировал, посетив остров в 1944 году, когда война за грезу Райха была, казалось, проиграна. Сады запол-